

Общественное мнение — весь народ или его часть?

Л. Н. Федотова

доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье обсуждается активно дискутируемая специалистами проблема — где границы общественного мнения, претендует ли оно на всенародность или может сводиться к мнению определенной группы, выделенной на основании принадлежности к классу, слою по степени информированности или по другому основанию. Исторически прослеживается путь (в том числе и в политологической парадигме), который прошла идея демократии о всеобщем участии народа в решении общегосударственных вопросов. Новое время породило практики делегирования полномочий при голосовании за определенное решение. При исследовании общественного мнения возникает практика (методика Дж. Фишкина), когда истинным общественным мнением считается предварительно усиленно «проинформированное» мнение, что противоречит основному принципу общественного мнения, когда оно идентифицируется с населением всей страны.

Ключевые слова: общественное мнение, всенародность, демократия, исследования общественного мнения, концепция публичных арен, конкуренция за внимание общества к проблемам, методика изучения «обогащенного» общественного мнения.

В ранее опубликованной статье [7], посвященной методологическому обоснованию границ субъекта общественного мнения, было отмечено, что есть такой социальный акт, который служит идеальным типом выражения общественного мнения. Таким примером, моделью является *плебисцит, всенародные выборы*. В идеале такие выборы обладают характеристиками, которые мы считаем органически присущими и такому явлению, как изученное общественное мнение: *всенародность*, право каждого члена общества на участие в них; *анонимность* участия в них и (как результат выборов) *весь набор* продемонстрированных народом мнений. Соответственно, носителя-

ми общественного мнения являются все члены общества, каждый член которого имеет равновероятную возможность выразить свое мнение, чтобы оно, независимо от содержания и знака отношения к объекту мнения, выступило как часть мнения всего общества, оставаясь анонимным.

В той мере в какой опрос воспроизводит эти характеристики, результаты его могут считаться общественным мнением для определенной территории. В профессиональных институтах, занимающихся такими опросами, это и происходит. Эти институты декларируют, что выборка, репрезентативная для определенной общности, в частности, для стра-

ны, дает результаты, характерные для этой генеральной совокупности.

Как человечество дошло до такой мысли? Для начала обсуждения (а здесь каждая характеристика претендует на долгий разговор) возьмем идею *всенародности*. Сразу сделаем оговорку, что параллельно и вполне равноправно следует иметь в виду разные виды *текстов*, которые так или иначе демонстрируют некий набор отношений, оценок, интересов, предпочтений, характерных для социальной общности; мы не можем сбрасывать со счетов то обстоятельство, что и до профессионального изучения общественного мнения об этом могли свидетельствовать в определенной мере контент информационных средств и *массовые движения* (бунты, революции или, например, осуществление волеизъявления «свободных граждан» на греческой агоре). Понятно, что мы можем говорить о роли таких публичных демонстраций в социуме, делая ряд оговорок. Но все же — события на каирской площади Тахрир вчерне, грубо, но воспроизводили расклад настроений масс по отношению к действующей власти: и подсчет лиц, которые выступали «за» или «против», был весьма информативен для власти. Но если бы мы захотели получить более детальную картину: кто из них был на стороне «братьев-мусульман» или либерала, только что отсидевшего в тюрьме три года, или Аль-Бородеи, мы бы не смогли этого сделать. Но, в принципе, исследователи общественного мнения время от времени задают своим согражданам вопрос, в какой мере они готовы отстаивать свои идеи, мнения, настроения в ходе публичных демонстраций.

Возвращаясь к *всенародности*: греческая агора при всей привлекательности

была отнюдь не всем народом — сословие рабов, хотя оно и было не в разы больше «свободных граждан», все-таки там не учитывалось.

Приведу еще несколько фактов, в определенной степени выдернутых из истории человеческого общества, — все они говорят о том, как к этой идее шли, как она трансформировалась на протяжении веков. На этот счет удалось найти несколько довольно очень ярких цитат. Так, медиевист А. Гуревич пишет о формах демонстрации общественной воли в средние и более ранние века в таких выражениях: «Голосование в тех случаях, когда оно применялось, не было способом установления соотношения индивидуальных волей. Подчас вообще требовалось единодушие либо решение принималось в соответствии с волей «большой и лучшей части» участников голосования, то есть в расчет брали не только, может быть, и не столько число лиц, сколько их «качества», социальную привилегированность, статус» [3, с. 278].

П. Бицилли, автор многочисленных работ по исторической и социальной психологии средневековья, рассматривает такую структуру социального существования, которую знала средневековая Европа, как «коммуна»: «...это соединение, обладающее общей волей и правом волеизъявления. Коммуна создается на основании присяги, приносимой вступающими в нее, — «быть заодно». Она берет человека «всего», целиком, растворяет его индивидуальность в своей соборности [2, с. 115]. В итальянских коммунах XIII в. возникает организация, именуемая «Народ» (*il Popolo*). При этом автор подчеркивает, что *il Popolo* есть именно организация, политический корпус, а не просто «абстрактный», существ-

вующий только в отвлечении социальный класс. Согласно уставу «Народа», на общем совете могут решаться все дела, подлежащие компетенции соединенного собрания. И вот выводы автора — «в мире идей нет места мнениям, личным взглядам: есть только «истины» и «заблуждения». Всякая истина — догмат, и кто обладает им, может и должен навязать его *другому*. Как пишет автор, для младенчески воспринимающего мир сознания идея демократии как высшего синтеза индивидуальных волей и мнений была просто-напросто непостижима.

Но средневековье не чуждалось идеи демократии. Учение о суверенитете народа было даже распространенным: «То, что всех касается, должно быть всеми и решаемо». Но когда дело доходило до определения, кто эти «все», которые должны решать, что «всех касается», тут-то и обнаруживалось полное непонимание демократической идеи.

Еще один из процессов мировой истории нельзя не упомянуть, настолько он по своим потенциям важен для объяснения феномена социального многоголосья, который, как следствие, совпадал с осознанием индивида себя как автономной части социального. В глубину веков уходит в человеческом обществе смеховая культура, начала которой М. Бахтин, исследователь этой проблемы, относит еще к христианской античности [1]. До трех месяцев в году жители больших городов жили карнавальными жизнью. Карнавал торжествовал как временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, как временная отмена всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это — особого рода дум и р н о т ь, без учета которой ни культурное сознание средневековья, ни куль-

тура Возрождения не могут быть правильно понятыми. Карнавал не созерцают — в нем живут, и живут в с е, потому что по идее своей он в с е н а р о д е н (слова М. Бахтина). Особенно важно в свете анализируемой нами проблемы рассуждение М. Бахтина об отмене во время карнавала всех иерархических отношений. Здесь господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной жизни сословным, имущественным, служебным положением: «Этот вольный фамильярный контакт между всеми людьми ощущался очень остро и составлял существенную часть общего карнавального мироощущения...» [1, с. 14]. Смех был легализован, он освобождал (в конечной мере) от внешней цензуры, от внешних репрессий, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью.

Это тоже весомое свидетельство, как в общественном сознании накапливались тенденции к развитию, к модернизации взамен ориентации на традиционные ценности, опрокинутые в прошлое. Ясно лишь, что это был длительный исторический процесс. Вопрос в том, когда количество перешло в качество? В этом контексте нужно упомянуть и церковь, которая декларировала, что она сама является носителем идеи абсолютного единства и является вместилищем общей воли [2, с. 124].

Противник церкви Данте обосновывает примат вселенского императора на учении о «согласии воли» всех членов человеческого общества как необходимом условии наилучшего общежития. Единодушие, определяет он, есть единообраз-

ное устремление отдельных волей. Наилучшее состояние людского рода зависит от единства волей. Но этого не может быть, если нет налицо одной воли, властвующей надо всеми прочими и направляющей их к одному. И этой одной воли не может быть, если нет налицо общего для всех Государя, воля коего могла бы быть владычицей и направительницей остальных волей. Смещение понятий происходит совершенно незаметно для самого автора: *общая* воля с самого начала рассуждения понимается им как *единая* воля. Единая же воля мыслится им не иначе как воля *одного* [там же, с. 125].

Не удивительно, что идея демократии, одна из наиболее общих идей, не давалась средневековой: когда средневековый человек принимался размышлять над проблемой общественного союза, он неизбежно упирался в идею монархического абсолютизма.

Параллельно, и это очень важно для наших рассуждений, в лоне религиозной мысли обосновывалась и закреплялась текстуально идея «овец» и «козлиц», «зерен» и «плевел».

Конечно, до поры и не могло быть индивидуальных волей. Индивид — это историческое производное от тех процессов, кульминацией которых стал XVII век со своими политическими и экономическими буржуазными революциями. Именно он продемонстрировал (буквально) силу массы как состоящей из атомизированных субъектов. Отныне многие политические процессы включают индивидуальное поведение и индивидуальное мнение; рыночные отношения закрепили роль массы и отдельного человека в экономическом конвейере на стадии как производства, так и потребления.

Именно в ходе этих процессов появляется новый социальный субъект (личность), которому происходящие процессы (политические, экономические, религиозные, культурологические и т. д.) обеспечили гигантские возможности для выбора в своем социальном поведении, мнении, интересах.... В личном сознании происходит процесс освобождения от тотальной принадлежности социуму. Личная и общественная сферы разъединяются, индивидуум и общество становятся *сторонами*, контрагентами. Чем в большей степени, как это было в средние века, каждый социальный круг стремился подмять под себя личность, тем более интенсивно должно было происходить нарастание осознания личной обособленности (а для нас это еще и право на индивидуальное волеизъявление) [2, с. 127–129].

М. Стасюлевич, наставник русского императора, будучи в Европе в 1857 г., пишет в своем письме профессору М. С. Куторге: «В Англии вот что важно: здесь ценится человек и каждый отвечает за себя». В другом письме — П. А. Плетневу — он пишет о впечатлении, которое на него произвела бельгийская Палата депутатов. У величественного входа в парламент его встретили «четыре женских статуи со скрижалями в руках», символизирующие свободу ассоциаций, свободу прессы, свободу исповеданий и свободу образования [5].

Итак, идея демократии продвигалась постадийно — от осознанности роли части общества к идее всенародности.

В рамках политической парадигмы сузим предмет разговора — это всеобщее участие в выборах власти, которое (и это важно сейчас для нас) имеет разные варианты (от человека к выборщику или индивидуальное участие в выборах).

Вот этот вариант — «не я, а *другой*» — сейчас интенсивно дискутируется в обществе. Идея перехода к электронной демократии становится уже общим местом дискуссии о не столь отдаленном будущем мировой политики [9]. Растет число различных экспериментов в этой области, появляются все новые и новые концепции, какой может быть прямая демократия через интернет. Вопрос ставится не о том, будет ли электронная демократия, а какой она будет.

В последнее время становится все популярнее Liquid Democracy [10; 11]. Исходная идея — люди должны иметь возможность принимать участие в решении любых задач власти. Однако граждане, по определению, не могут хорошо разбираться одновременно во всех проблемах. Liquid Democracy предполагает возможность граждан делегировать свои голоса другим участникам голосования, в том числе экспертам-специалистам или политикам от разных партий. Избиратели не выбирают депутатов, которые будут голосовать за них во всех ситуациях. Они делегируют свой голос по решению каждой отдельной проблемы специальному эксперту. Причем один человек может по разным вопросам доверить свой голос представителям различных партий или беспартийным. Идет голосование, например, по реформе системы здравоохранения. Человек дает возможность проголосовать по этому поводу вместо себя одному эксперту. По проблемам обороны — другому. По проблеме международных отношений — третьему. А может и сам сесть за компьютер и проголосовать, если речь идет, скажем, об акцизах на водку.

Но существуют две противоположные точки зрения по поводу этого проекта: одна состоит в том, что Liquid Democracy —

шаг вперед по сравнению с традиционной представительной демократией. Противники же утверждают, что такая форма голосования и принятия решений может привести к новой форме несвободы, варианту антидемократического правления, к своеобразной экспертократии. Понятно, что в условиях Liquid Democracy люди будут делегировать свои голоса не друзьям или соседям по лестничной площадке, а тем пользователям, которые смогут создать себе репутацию экспертов, специалистов в той или иной сфере. Как говорится в цитируемой статье, нечистоплотные в выборе средств люди, стремящиеся к власти и влиянию, будут бороться за то, чтобы именно им делегировали максимум голосов, применять манипулятивные технологии, создавать мнимые экспертные репутации. В этой ситуации неизбежно появление новой прослойки политических лоббистов, раскрученных псевдоэкспертов. В конце концов при реализации такой системы новые и старые профессиональные манипуляторы могут получить в управление максимум голосов граждан по наиболее важным проблемам. Подлинная прямая демократия, таким образом, исключает доверительное управление голосами. Люди не могут быть экспертами во всех областях. Но, как в суде присяжных, они могут выслушать профессионалов, а затем с точки зрения логики и здравого смысла сделать свой выбор.

Однако если у человека нет интереса, времени или желания участвовать в принятии решений в определенной сфере, он также не сможет адекватно выбрать эксперта по ней. Его выбор будет формальным и, возможно, случайным. Это создаст огромное поле для злоупотреблений и политических игр. Тем более к непредсказуемым последствиям может

привести многоступенчатое делегирование права голосовать, также предусмотренное Liquid Democracy.

Заканчивается анализ в статье выводом, что обычные люди, занятые своими повседневными делами, не могут заниматься принятием каждодневных управленческих решений. Здесь лучший выход — наем электронными собраниями граждан руководства исполнительных структур на конкурсной основе (как акционеры нанимают топ-менеджмент своих предприятий). Такие управленцы — не лидеры-политики, не президенты, губернаторы или мэры, а всего лишь наемные работники. При такой системе управленческие структуры отделены от публичной политики, не имеют влияния на принятие принципиальных решений, не могут подменять собой прямую власть граждан, от которых полностью зависят.

Кажущуюся сегодня наиболее эффективной модель электронной демократии можно назвать прямой викидемократией. Она основана на соединении принципа совместной работы граждан над решениями (как в Википедии) и общего голосования по всем спорным вопросам (как при прямой демократии). Люди могут вносить любые предложения по решениям и поправки к ним. Но принятыми считаются только те предложения, которые поддержаны большинством проголосовавших.

Что противопоставляется такой идее? Люди должны сами выбирать темы, по которым хотят участвовать в работе и голосованиях электронных собраний граждан. Тогда есть шанс, что сетевая демократия не породит новую прослойку профессиональных посредников-манипуляторов, охотников за головами, использующих ее в своих корыст-

ных интересах. Сеть может работать по такому принципу: участники выбирают темы (оборона, налоговая политика, пенсия реформа и т. п.). К ним приходит информация о внесении новых предложений по этим темам и начале голосований. Проголосовать за предложения или против них, предложить свои проекты решений, внести правки в эти проекты они могут в течение определенного срока, например, недели или месяца. Решение принимается простым большинством проголосовавших. Непринципиально, какой процент они будут составлять от всех жителей (проголосовавших по актуальным для всех темам будет достаточно много, а по узкоспециальным вопросам — мало). Главное, что, в отличие от Liquid Democracy, в такой ситуации сохранится основополагающий принцип демократического голосования: один человек — один голос.

Было бы странно, если бы эта идея — «не я, а другой» — не была бы реализована в ходе изучения общественного мнения.

Социолог Б. Докторов, который пишет много и плодотворно об истории изучения общественного мнения в США и в России, рассказывает о методике получения *обогащенного* общественного мнения Дж. Фишкина, ставшей популярной в США в последнее время (начиная с 1994 г.) [4]. Это суждение относительно тех или иных фрагментов реальности, выработанное группами людей, получивших в ходе специальных организационных форм необходимую информацию по соответствующим проблемам и, главное, сформировавших эти суждения в процессе широкого межличностного обсуждения. Этому предшествовала практика форумов по общенациональным проблемам (National Issues

Forums), начавшаяся в 1982 г. NIF — это добровольная неправительственная внепартийная общенациональная сеть, базирующаяся на том простом допущении, что гражданам, чтобы действовать, необходимо собираться и обсуждать общие проблемы.

Б. Докторов пишет, что в 1999—2000 гг. губернатор штата Айова создал комиссию из 37 человек, которые в течение 18 месяцев изучали состояние дел в штате и обсуждали его будущее с населением. Комиссия сформулировала свое видение развития штата до 2010 г., потом была проведена десятидневная акция вовлечения населения в обсуждение будущего Айовы. Состоялись десять еженедельных вечерних двухчасовых радишоу, каждое из которых было сфокусировано на одной из важнейших для штата проблем. Они проходили в самых больших залах театральных и административных зданий десяти крупнейших городов штата. Заблаговременно в помощь участникам дискуссий проводились семинары по прошлому, настоящему и будущему Айовы, на которые приглашались все желающие.

Методика социолога Дж. Фишкина [4] состоит в том, что он, не удовлетворяясь традиционными методами опроса, которые, по его мнению, фиксируют «сырое» общественное мнение, или небогатое, создал такую технологию, которая имела бы предмет изучения *обогащенное* общественное мнение. Изначально Дж. Фишкин задался поиском ответа на вопрос, каким было бы общественное мнение, если бы население было хорошо информировано. Ему удалось организовать серию исследований, в которых обогащенное мнение было измерено. Дж. Фишкин предлагает такой ва-

риант: респондентов, вошедших в специально сконструированную выборку, «помещают» в особую информационную среду (в небольших группах респондентов обсуждаются соответствующие проблемы; организуются встречи с экспертами; распространяются специально подготовленные материалы; необходимая информация направляется респондентам через электронную почту или «вывешивается» на специальных веб-сайтах и т. д.), которая обогащает их мнения, и, таким образом, опрос этой группы респондентов фиксирует новое состояние общественного мнения — обогащенное. Дж. Фишкин так описывает введенную им технологию изучения общественного мнения: «Обычный опрос представляет то, что думает электорат при том, как мало он знает. Опрос обогащенного общественного мнения представляет то, что электорат думал бы, если бы, гипотетически, он мог быть погружен в процесс интенсивного обсуждения, если бы ему была предоставлена возможность для интенсивного осмысления и доступа к информации» [4].

Но зададимся вопросом — а кто будет формировать информационную повестку дня для такого обогащения?

В этой связи обратимся к концепции *публичных арен*, которую С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск [8] предложили, чтобы объяснить все более пользующуюся вниманием теоретиков проблему существования в обществе так называемых *социальных проблем*. Авторы определяют социальную проблему как ситуацию, на которую *наклеивается ярлык проблемы на аренах публичного дискурса и действия*. Предполагается, что общественное внимание в этом процессе является дефицитным ресурсом, распределяемым по-

средством конкуренции в системе публичных арен.

Действительно, существует огромная *популяция* потенциальных проблем, но только очень небольшая часть из них приобретает статус крайне важных и общеизвестных, превращаясь в господствующие темы политического и социального дискурса. Судьба потенциальных проблем определяется не только их объективным характером, но и процессом крайне жесткого отбора, в ходе которого они *конкурируют* друг с другом за общественное внимание и ресурсы массовой, специальной и межличностной коммуникации. Для того чтобы понять природу этой сложной организационной и культурной конкуренции, необходимо обратиться к тем социальным *аренам*, на которых она протекает.

Таковыми аренами, по мысли авторов, являются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, телефильмы, кино, средства массовой информации (телевизионные службы новостей, журналы, газеты и радио), организации, занимающиеся проведением политических кампаний, группы социального действия, сфера прямых почтовых обращений и просьб (*direct mail solicitations*), книги, касающиеся социальных вопросов, научные сообщества, религиозные организации, профессиональные общества и частные фонды. Именно в этих институтах происходят обсуждение, отбор, определение, формулировка, драматизация, оформление и представление общественности социальных проблем.

Каждая арена имеет определенную *пропускную способность*. Эта пропускная способность может быть измерена с помощью различных показателей. Для газет и журналов таким показателем яв-

ляется площадь столбцов; для радио- и телевизионных новостей — минуты эфирного времени; для телевизионных фильмов и кино — число постановок за год. Частные фонды ограничены их собственными доходами. Парламентские комитеты могут рассчитывать лишь на определенное число часов сессионных слушаний. Само наличие пропускной способности у всех без исключения арен ограничивает размер политической и социальной повестки дня, рост одной социальной проблемы сопровождается упадком одной или нескольких других.

Второй отличительной чертой всех арен является наличие *принципов отбора*, которые определяют, какими проблемами, вероятнее всего, будут заниматься в рамках той или иной арены. Эти общие принципы отбора — интенсивная конкуренция за основное пространство; потребность в драматичности и новизне; опасность насыщения; ритм организационной жизни; культурные акценты (*cultural preoccupations*) и политические пристрастия — действуют по-разному на разных аренах. Культурные акценты и политические пристрастия могут значительно увеличить конкурентоспособность некоторых проблем.

При прочих равных условиях, чем меньше пропускная способность, тем интенсивнее конкуренция. Освещение общественно значимых вопросов возникает благодаря активистам, привлекающим внимание к той или иной социальной проблеме. Среди факторов массовых коммуникационных систем, поглощенных быстроразвивающимися событиями настоящего, основной — это решение, «что является новостями». В этом плане журналисты полагаются на общее профессиональное понимание, что является

важным событием, хорошим сюжетом, что заслуживает освещения.

Но обогащение мнения имеет и другую сторону.

Действительно, специальные усилия институтов гражданского общества (форумов, сайтов, круглых столов и т. д.) для дела демократии весьма полезны. Но как быть с мерилем истинной демократичности традиционных гэллаповских опросов — возможностью олицетворять их с социальным актом, который служит *идеальным типом выражения общественного мнения* — плебисцитом, всенародными выборами? Ключевыми характеристиками этих форм всенародного самовыражения (которые мы считаем органически присущими и такому явлению, как общественное мнение) являются: всенародность, право каждого члена общества на участие в них; анонимность участия в них и, как результат выборов, в е с ь набор продемонстрированных народом мнений. И далеко не все граждане прошли «обогачительную» фабрику информирования, а некоторые принципиально не будут этого делать, им это *неинтересно*. Они же живут в свободном обществе. Методологически именно такая практика опросов — когда помимо большого количества заданных респонденту вопросов, есть возможность получить взаимосвязи ответов с социально-демографическими характеристиками отвечающих — обогащает мнения: не будь таких взаимосвязей как с характеристиками личности, так и с другими ее ответами в этой матрице «всё-на всё», не могла бы возникнуть гипотеза Э. Ноэль-Нойманн о «спирали умолчания»; не будь таких возможностей у опросов, мы бы не работали отдельно с группами, проявившими свою ориентацию на определенную политическую платформу, в интересах политическо-

го заказчика: мы бы не моделировали (в компьютере, а не в реальной комнате для обсуждения) поведения потребителей для маркетинговых задач.

Итак, вопрос, что же считать общественным мнением, является по-прежнему дискуссионным. Но между тем институты изучают это общественное мнение, зная это самоценно; общество рефлексировало по поводу этого знания, а социологи — по поводу качества этой информации.

Методологически важно понять, что при всех экспертных оценках состояния мнений широких масс, при ценности журналистских обобщений на этот счет общественное мнение по любому поводу характеризуется высокой степенью *неопределенности*, и не только мнение, но и само поведение. Точно так же, как это справедливо для самих социальных процессов. Вариабельность моделей социальной практики в обществе, находящемся на модернизационных рельсах, очень велика. Времена, когда практика сегодняшнего дня моделировала традиционное прошлое, закончились в XVII веке. С того времени общество развивается в ситуации конкуренции социополитических и экономических сценариев.

Сошлемся на теоретиков, рассматривающих социальную ситуацию как *игровую*. Дж. фон Нейман, родоначальник теории игр (разработчик логической схемы первой ЭВМ), постулировал, что для игры характерна неопределенность, причем следует различать два вида неопределенности: *случайность и выбор*. Д. Мак-Дональд продолжает эту мысль и рассматривает в этой парадигме бизнес: «Большинство игр в реальной жизни также содержат оба вида неопределенности. Как поведут себя миллионы потребителей, если повысить или снизить цены? Во-

прос о том, последует ли за вами конкурент, является стратегическим: конкурент может выбирать» [6, с. 21].

Более того, автор говорит о том, что стандартный рынок является удовлетворительным способом управлять экономической деятельностью, пока вы не высказываете суждений о ценностях вне ценового механизма. Как только речь заходит о внеценовых ценностях (а специалисты в области рекламы знают, что эта характеристика в полной мере соответствует сегодняшнему состоянию дел на рынке), ситуация становится теоретико-игровой: «Суждение о ценности, следовательно, означает одновременно конец стандартного рынка и начало некоторой игры». И далее — «интерпретация стандартов поведения с помощью игры и, наоборот, интерпретация игр с помощью стандартов поведения представляют собой большое достижение человеческой мысли» [там же].

Следующая цитата вплотную приближает нас к возможности перенести эти соображения на ситуацию с функционированием общественного мнения в

социуме: «Игра выделяется благодаря такой неопределенности, которая возникает как результат свободы воли и выбора игроков, правда, в известных пределах... Интересная особенность игры состоит в том, что в значительной мере она разыгрывается в сознании игроков и только небольшая ее часть имеет формы открытых действий» [там же]. *Объективная реальность* сегодня предоставляет индивиду новую роль — роль, в которой ему понадобятся такие шаги, как *отбор, селективность, избирательность*.

На *субъективном* уровне все те же *отбор, селективность, избирательность* будут востребованы индивидом как модели его поведения.

Можно представить на этом фоне усилия социологической науки дать обществу знания о самом себе как способ снизить эту неопределенность. В особенности это относится к опросам общественного мнения. Именно они сигнализируют о точках напряжения, они же подсказывают, какие резервы есть для смягчения этого напряжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.
2. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
4. Докторов Б. Обогащенное общественное мнение: Понятие. Социальная практика. Опыт изучения. http://www.pseudology.org/Gallup/Enriched_PO.htm
5. Кара-Мурза А. Учитель цесаревича // Новая газета. 2011. № 13. 7 февр.
6. Мак-Дональд Д. Игра называется бизнес. М., 1979.
7. Федотова Л. Н. Разговор ученика с учителем // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. М., 2010. № 1.
8. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2.
9. Электронная демократия: угрозы и перспективы // Время Новостей. 2010. 12 нояб.
10. <http://liqd.net/>.
11. <http://wiki.piratenpartei.de>.

Public Opinion – the Whole Society or Only a Part of It?

L. N. PHEDOTOVA

*Doctor in Sociology, professor, senior researcher at the Journalism faculty
of the M. V. Lomonosov Moscow State University*

The article deals with a disputable issue of setting the limits of public opinion. It discusses if public opinion is the common representation of the nation or may be reduced to opinion of a certain group, figured out because of its social class, level of awareness or some other basis. Historical reconstruction of the democratic idea of universal public participation in solving state problems, including analysis in political science paradigm, is given. The modern culture developed practices of transfer of authority in the course of voting for certain solutions. J. Fishkin's method of public opinion research as an emerging practice that regards preliminary "informed" opinion as the true public opinion. That opposes the common principle of "public opinion" identified with the whole population of a country.

Keywords: *public opinion, common national participation, democracy, public opinion research, concept of public arenas, competition for public attention to problems, method of investigation of "enriched" public opinion.*

REFERENCES

1. *Bahtin M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa. M., 1965.
2. *Bicilli P. M.* Elementy srednevekovoi kul'tury. SPb., 1995.
3. *Gurevich A. Ya.* Kategorii srednevekovoi kul'tury. M., 1972.
4. *Doktorov B.* Obogashennoe obshestvennoe mnenie: Ponyatie. Social'naya praktika. Opyt izucheniya. http://www.pseudology.org/Gallup/Enriched_PO.htm
5. *Kara-Murza A.* Uchitel' cesarevicha // Novaya gazeta. 2011. № 13. 7 fevr.
6. *Mak-Donal'd D.* Igra nazyvaetsya biznes. M., 1979.
7. *Fedotova L. N.* Razgovor uchenika s uchitelem // Vestnik obshestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii. M., 2010. № 1.
8. *Hilgartner S., Bosk Ch. L.* Rost i upadok social'nyh problem: koncepciya publichnyh aren // Social'naya real'nost'. 2008. № 2.
9. Elektronnaya demokratiya: ugrozy i perspektivy // Vremya Novostei. 2010. 12 noyab.
10. <http://liqd.net/>
11. <http://wiki.piratenpartei.de>.